

—Я и ТЫ

Михаил Шлаен
Ольга Приходченко

Михаил Григорьевич Шлаен Ольга Иосифовна Приходченко

Я и ты

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23094393*

Я и ты: Человек; Москва; 2015

ISBN 978-5-906131-64-5

Аннотация

Эта книга – плод совместного творчества супружеской пары, известного спортивного журналиста Михаила Шлаена и Ольги Приходченко, автора знакомой читателю трилогии об Одессе («Одесситки», «Лестница грез», «Смытые волной»). Меняющиеся жизнь и быт Москвы, начиная с середины прошлого века и до наших дней, чередуются на ее страницах с воспоминаниями о ярких спортивных событиях – велогонках в тяжелейших условиях, состязаниях волейболистов и боксеров, Олимпиадах в Сеуле, Пекине, Лондоне и Сочи, турне нашего ледового театра по Америке и проч. – и встречах с самыми разными людьми. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Я	4
Тяжелая дорога непонятно куда	7
Три столба на Ленинском проспекте	10
Польза дальних заплывов	22
Обмываем победу Косичкина	29
Ложа под козырьком Лужников	33
Не боги горшки обжигают, но все-таки...	49
Встречаемся на пляже в Гаграх	53
Приоткроем калитку для Писаревского	58
Нелегка ты, шапка талисмана	63
Любые деньги за ЗИЛ	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Михаил Григорьевич
Шлаен, Ольга
Иосифовна Приходченко
Я и ты**

Я

Эта книга необычная, что называется, одна на двоих. Семейное творчество, но каждый о своем. После трилогии о незабвенной Одессе («Одесситки», «Лестница грез», «Смытые волной») мадам Ольга Приходченко вдруг вспомнила,

что давно живет в Москве и пора что-то написать и о ней, родимой. Для второго автора это вообще лучший город Земли. Он «упросил» любимую жену слегка потесниться и дать возможность втиснуть кое-что свое из накопленного за долгие годы работы в спортивной журналистике. Что получилось, предлагаем вниманию читателей; может, мы и ошибаемся, но нам кажется, что это первый опыт подобного совмещения.

Тяжелая дорога непонятно куда

Я сижу за столом под номером 01611613031, небрежно выведенным белой масляной краской. Сзади зеркало, тоже занумерованное, видимо, дрожащей рукой, поскольку цифры прыгают, здесь их поменьше, всего восемь – 01612731. Гляжу через балконную дверь на голубое небо, растворяющееся где-то за горизонтом в глубинах самого синего на свете Черного моря, и думку гадаю: неужели кому-нибудь из чернобыльцев взбрело бы в голову утащить все, что помечено в этом евпаторийском санаторном жилище, специально построенном для восстановления их здоровья? Сейчас, правда, переживших ужас трагедии атомной станции в реабилитационном центре «Медики – Чернобылю» сменили тщедушные пенсионеры-инвалиды и нуждающиеся в курортном лечении обыкновенные больные, им-то точно и во все все это (вместе с кроватями и прикроватными тумбочками) невозможно утащить. Зачем тогда, спрашивается, эта слепящая глаза инвентарная перепись, до сих пор дурно пахнущая совдепией? Или кому-то жаль ее стереть, оставляют на память о стране, которой уже нет?

Я жутко не хотел садиться за этот стол под номером 01611613031 и за эти заметки. Да и антураж вокруг санатория никак не вдохновлял. «Степь да степь кругом, путь далек лежит, в той степи глухой отдыхал мужик», – переиначи-

вал на свой лад, стараясь соблюсти рифму, старинную песню. Куда меня занесло? Может, лет через десять все здесь преобразится, застроится коттеджами, а пока, в самом деле, вокруг степь да степь, по которой ночью с шакальим завыванием кружит сильный ветер. До пляжа, если не гнать душу, пешком минут двадцать пять. Пока дойдешь, наглотаться пыли с проселочной дороги, она забивает рот и ноздри. С балкона неприглядный вид на огромный пустырь с развалинами (будто после бомбежки или артобстрела) давно заброшенного двухэтажного долгостроя с пустыми бойницами-окнами. Все захламлено мусором, его и не думают убирать. Расположенные чуть поодаль антенны станции наблюдения за космическими полетами (не знаю, действует ли она или законсервирована-заброшена) никак не вяжутся с этой неприглядной панорамой. Время – поздняя осень 2012 года.

И, знаете, не взялся бы, да сподвигла супруга своим примером. На пенсии в ней вдруг обнаружился писательский талант; может, он был с самого рождения, но тогда сидел очень глубоко и только теперь вырвался наружу. Во всяком случае, Ольга вдохновилась совершенно новым для себя делом, до этого занимаясь совершенно другим – экономикой, и достигла немалого. В своей родной Одессе она в двадцать пять лет возглавила плановый отдел предприятия с тремя тысячами работающих, а уже в Москве славно потрудилась на Олимпиаду-80 и переводила на новую систему планирования и экономического стимулирования целую отрасль – сто-

личные рынки. На досуге Ольгу так и тянуло рассказать нам с дочерью о своем прежнем одесском житье-бытье. Мне особенно некогда было слушать, да и Настя порядком занята в своем институте. «Знаешь, мама, – сказала она однажды, – наверное, все это очень интересно, сядь и напиши».

Мадам Ольга Приходченко села и написала. Сначала «Одесситок» на шестьсот почти страниц, следом и «Лестницу грез» еще на триста с лишним, а завершила свою одесскую эпопею-трилогию, охватившую долгий период (до войны – война – после войны – наши дни), книгой «Смытые волной». Но еще до того, как трилогия увидела свет, я сам уже начал стучать по клавишам своего ноутбука, где-то в глубине души понимая, что писательством это не пахнет, но все равно, возможно, будет интересно и востребовано. Если нет – то останется как память об отце дочери и внучке. Ведь все мы не вечны на этой земле. И потом меня крепко держала за грудки и брала за душу эта песенная строчка из фильма «Добровольцы»: «А годы летят, наши годы, как птицы, летят, и некогда нам оглянуться назад». А может, все-таки надо оглянуться.

Итак, отдаю должное моей драгоценной супруге, однако сейчас, когда хочу поведать, с чего у меня все началось в журналистике, замечу, что совершенно другая была женщина, которая невольно, сама того не подозревая, сыграла немалую роль в моей судьбе. В том, что я в тридцать лет сменил профессию. Она уж точно подходит под знаменитую фран-

цузскую поговорку.

Три столба на Ленинском проспекте

– Радио! Быстрее включайте радио! – звонкий девичий голос нарушает гнетущую тишину.

– Тамара, что-то случилось? – нервно реагирует наш начальник. Лицо его от злости покрылось красными пятнами. – Еще не время производственной гимнастики.

– Случилось!

Тамара, наш физорг, заставляющая нас каждый день ровно в одиннадцать отрываться от кульмана и под звучащие из эфира команды Николая Гордеева или Галины Дьяковой выполнять простейшие гимнастические упражнения, сама бежит к «точке» и врубает ее на полную мощь. Оттуда льется левитановский бас: *«12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник „Восток“ с человеком на борту. Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника „Восток“ является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич...»*

Вот это да! Ранним утром, торопясь на работу и форсируя пешком Москву-реку по любимому Каменному мосту, я и предположить не мог, что всего через какие-нибудь полтора часа меня настигнет такая фантастическая новость. Да что

меня – всю страну, весь мир! Минуя двухэтажный магазин в знаменитом «Доме на набережной», я был поглощен отнюдь не космической, а сугубо земной мыслью: остались ли еще на втором его этаже, где торговали промтоварами, английские туфли на невероятной шпильке по сорок пять рубликов за пару. Их «выбросили» накануне днем, наши женщины каким-то образом пронюхали это и в обеденный перерыв со спринтерской прытью ринулись туда, занимая друг у друга деньги до получки. Спасибо кассе взаимопомощи, которую держала наш отдельский казначей Раиса, выручила многих. Примерка взбудоражила весь трудовой коллектив, мы, мужчины, тоже оказались вовлеченными в процесс: ну как? хорошо сидят на ноге? а каблук? Я тогда ухаживал, точнее, старался ухаживать за одной прелестной девушкой Саной Готовцевой, вечером, созвонившись, заикнулся о британских лодочках, и она умолила купить ей тридцать шестой размер без всякой примерки. Но все уже было распродано...

На этом маститом предприятии оборонной промышленности я инженерил после технического вуза. Начал, правда, свою трудовую деятельность с того, что, пока длилась проверка, конопатил окна в пристройке к основному зданию. Месяца через полтора меня вызвали в первый отдел: «Допуск пришел, завтра выходи в отдел, тебя уже там заждались».

С чего вдруг ждут, я что, какой-то ценный кадр? Новичок на стадионе, мало что (мягко сказано) умею, что быстро всем

продемонстрировал. Истошный начальственный вопль потряс воздух: «Шляян, Миша, немедленно в цех». Елки-палки, неужели где-то напортачил. Человек знающий, но немного дерганый, начальник почему-то постоянно так искажал мою фамилию. Первый блин действительно вышел комом, я немного ошибся в расчетах, но этого оказалось достаточно, чтобы запороть деталь. Виктор Иванович Школиков, начальник цеха, красавец мужчина с пышной шевелюрой, слегка пожурил:

– Не огорчайся, ты не первый и не последний, молодые все так начинают, будь повнимательнее.

После этого меня сразу взяли в оборот, приставили учителя персонального, Леву Левина. Полноватый, медлительный, этакий увалень, но как соображал! На ходу рвал подметки, мгновенно рождались идеи. Умнейшая, светлая голова. Мне повезло и со вторым наставником – Виталием Шульпиным; тот, наоборот, был худой, длинный, шустряк по характеру и тоже конструктор от Бога. И еще романсы пел прекрасно, это у них семейное, сестра была профессиональной вокалисткой, солисткой, если не ошибаюсь, Краснодарского хора. «На Тихорецкую состав отправится...» – запевал он. «Вагончик тронется, перрон останется. Стена кирпичная, часы вокзальные...» – дружно подхватывали мы. А еще: «Если радость на всех одна, на всех и беда одна», «Как провозжают пароходы, совсем не так, как поезда». Очень популярна была финская «Рулатэ». Помните: «Если к другому

уходит невеста, то неизвестно, кому повезло». Только Серега Чесноков ее не выносил, он долго приударял за своей помощницей, а она взяла и вышла замуж за парня из другого отдела.

Под руководством моих наставников я чертил на кульмане разные конструкции; как наловчился на простых, брошен был самостоятельно на более сложные, самых замысловатых конфигураций, для «игрушек», которые по сей день стоят на вооружении нашей доблестной армии. Над некоторыми мозгами шевелить приходилось изрядно, бывало, ночью заснуть не мог, все прокручивал в пространстве разные варианты.

На встречу Юрия Гагарина нашей организации выделили «три столба» на Ленинском проспекте, т. е. именно такое пространство мы должны были заполнить. Народ ликовал, гремела музыка, как во время майской или октябрьской демонстрации, громко, так, что, наверное, было слышно даже в Сокольниках, звучали здравицы. Такого Москва, скорее всего, не видела со Дня Победы. В ожидании проезда праздничного кортежа с первым покорителем Вселенной и Никитой Сергеевичем Хрущевым обсуждали уход с поста президента США Дуайта Эйзенхауэра и восхождение на американский престол сорокатрехлетнего Джона Кеннеди, точнее, сколько украли на церемонии его инаугурации. А унесли на память прилично, одних скатертей больше двухсот, а пепельниц вообще больше шести тысяч. Но больше всего волновала недавно прошедшая денежная реформа: новые купюры,

новые цены. Моя мама с огромным трудом осваивала их, для нее это была мука: привычные сотни обернулись десятками, а десятки – единицами. (Спустя много лет все случилось наоборот, цифры поползли к миллионам, и стоило моей бедной маме новой нервотрепки).

– Да что твоя мама, я и сама путаюсь, каждый раз захожу в магазин и задумываюсь: а раньше сколько это стоило? – успокаивала меня Раиса.

– И как?

– Мне кажется, все подорожало.

Проезд кортежа задерживался, но это никого не тяготило, никто не расходился, наоборот, народ прибывал, проспект с обеих сторон превратился в сплошную людскую стену. Градус радости и настроения нарастал, всем хотелось продолжения праздника, посмотреть, какой он этот парень – смельчак майор Юрий Гагарин.

– Когда собираешься в отпуск? – внезапным вопросом оторвал меня от своих коллег из соседнего отдела Гена Скитович.

– Еще не думал, отпуск только в сентябре.

– И у меня тоже. Если нет никаких планов – присоединяйся к нашей компании, мы летим в Крым, в Мисхор.

Планы – обустройство на новом месте жительства – как раз были. Из центра, с Маросейки, нас вдвоем с мамой переселили (кому-то понадобился наш дом) в тыл МГУ на Ленинских горах. Как семья погибшего фронтовика (отец –

участник двух войн – с белофиннами и Великой Отечественной, имел несколько боевых наград), разнополюе, перспективная семья, мы умоляли дать однокомнатную квартиру, ну хотя бы две комнаты, пусть и небольшие.

– Еще чего, вы не одни такие, – грубо отрубил мате-
рая чиновница в жилинспекции тогдашнего Куйбышевского
района, размахивая ордером перед заплаканным лицом ма-
мы. – Перспективная семья? Вот женитесь, начнете размно-
жаться, тогда и посмотрим... сколько настрогали. На еще од-
ну комнату или целую квартиру.

Все тщетно, нас опять втиснули в одну комнату, правда,
побольше прежней девятиметровой, где мы ютились втроем,
когда жива была бабушка.

Ох, как тяжело дался переезд. С Маросейки, а дальше че-
рез Ильинские ворота по улице Куйбышева до Спасских во-
рот Кремля было медленным шагом минут, наверное, пятна-
дцать, а 9 мая 1945 года мы, дворовая ребятня, спеша на бур-
лящую Красную площадь, вообще мигом до нее добежали.
Маме до ее работы в Политехническом музее и вовсе рядом.
Мне дольше до Полянки, но я быстро привык: по Большому
Комсомольскому переулку топал до улицы Кирова, там са-
дился на третий номер автобуса – и вперед через глубоко ды-
шащее сердце города. Мимо Большого театра, Колонного за-
ла Дома Союзов, гостиницы «Москва», Манежа. Красавица
все-таки моя Москва! Особенно в погожие солнечные дни.

Теперь до работы надо было добираться с тремя пересад-

ками. Иногда, когда было в запасе время, от одной отказывался, доезжал до Библиотеки имени Ленина, пешком, как уже сказано, перебирался через Большой Каменный мост. В любом случае радоваться бы, все-таки, говоря казенным языком, улучшили жилищные условия, вместо шести соседей теперь одни, но отчего-то счастьем глаза не светились. Разъезжаться по многим причинам было грустновато. Коммуналка у нас была пестрая (солист балета, музыкант, дворничиха, пара инженеров и т. д.), все попривыкли друг к другу за пережитые в войну и послевоенную пору годы; надо было уж очень разозлить, чтобы услышать ругань, но это случилось крайне редко. В километровой очереди за мукой (старшее поколение помнит о тех временах) мушкетерское – один за всех и все за одного. В праздники на кухне общее гулянье, каждый выносил, что мог. Моя мама специально готовила треску в томате. Ее с удовольствием уплетал Петя, тромбонист из военного оркестра. Все шумели, особенно Анна Ароновна и Юрий Давыдович: имей совесть, оставь нам. Мама успокаивала: не волнуйтесь, хватит всем, и удалялась в комнату за заначкой, непременно напоминая Анне Ароновне, что в следующий раз за ней рыба «фиш».

Мне было откровенно жаль расставаться с висевшим на стенке телефоном, по которому я назначал первые свидания симпатичной девчонке из Казарменного переуллка и с нетерпением и трепетом, злясь, если кто-то занимал телефон, ждал от нее ответного звонка: согласится ли пойти про-

гуляться на Чистые пруды или в кино в «Аврору» или «Коллизей», где сейчас находится театр «Современник». Кстати, может, интересна такая деталь: буква на телефонном диске (с нее обязательно тогда начинался шестизначный номер) в устах коренных москвичей звучала непривычно для нынешнего уха: «центр», «миусы», «дзержинка» (редко произносили: «Б», «К», «Д», «И» и др.). Это сразу указывало на месторасположение района, скажешь, к примеру, «миусы 5 и т. д.», ага, это где-то на Маяковке; у нас был: центр (или К) 3 17 10.

Ко многому здесь я был привязан, помимо школы, двора, друзей. В соседнем доме открылся первый и единственный тогда в Москве магазин концентратов. Не могу сказать, что народ сразу валом повалил в него. Во-первых, многие и не знали о его существовании, а затем отчего-то опасались, непривычно как-то. Так что мы выступали в роли своего рода испытателей, и испытания прошли очень быстро и успешно, тем более что стоило все недорого. Усаживаешься вокруг высокой круглой стойки в удобное кресло, подобное тому, что в коктейль-баре на улице Горького, и заказываешь, водя пальцем по меню. Хочешь такой суп, сякой суп – пожалуйста, гречневую, или перловую, или любую другую кашу – несколько минут – и кушать подано. На твоих глазах из разной смеси готовят разную вкуснятину. Чего только мы там не перепробовали, запивая киселем тоже из концентратов! Впрочем, наша лафа вскоре кончилась, когда нагрянула прознавшая про чудо-магазин толпа трудящихся, ее словно

магнитом притянуло, и теперь пришлось выстаивать длиннющие очереди.

И вот все это вместе с детскими и отроческими годами и воспоминаниями уходило-уплывало черт-те куда. Это сейчас тот район обрел привлекательный вид: множество посольств, богатых коттеджей, полно зелени, а тогда он реально был окраиной, граничившей с деревней, если не ошибаюсь, Гладышево (сейчас на ее месте московский гольф-клуб, в открытии которого много лет спустя мне, как сотруднику Госкомспорта, довелось принимать участие в качестве куратора иностранных гостей). Кроме двух-трех готовых «красных» кирпичных пятиэтажек и китайского посольства, строительство которого завершалось, вокруг ничего не наблюдалось; пустырь, ни одного магазина, только пара каких-то лавок, ни школы, ни поликлиники, ничего.

Нынешнего участка Ломоносовского проспекта, того, что протянут мимо лесочка, скрывавшего ближнюю дачу Сталина, не существовало, на его месте зиял огромной глубокой дырой длиннющий овраг, его засыпали строительным и прочим промышленным мусором, наверное, года два, пока не появилась «подушка-основа» для дороги, еще год ее требовали. Мосфильмовскую улицу, по которой числился наш дом, продлили к нам лишь спустя несколько месяцев и пустили «придворный» троллейбус номер 34. «Придворный» – потому что его конечная остановка была напротив нашего дома, здесь он делал круг и отправлялся в обратный путь к

Киевскому вокзалу; значительно позже, когда появился Ломоносовский проспект в его нынешнем виде, маршрут продлили к метро «Университет», а затем еще дальше.

Но это все потом, а пока ближайшая к нам остановка транспорта находилась примерно в километре на углу университетского парка и сегодняшнего Мичуринского проспекта. Не очень-то приятно было шлепать по осенней, чуть ли не по колено (стройка продолжалась), грязи или в крепкий мороз с пронизывающим насквозь ветром. Иногда пользовались троллейбусом номер семь, но высаживались еще дальше, на набережной у смотровой площадки. В заачке имелся еще один вариант, скорее прогулочный при хорошей погоде и без спешки: от площади Революции на двухэтажном автобусе номер 111 (курсировал тогда на линии лондонский собрат) доехать почти до главного входа в МГУ. В любом случае без еще одной пересадки не обойтись. Лишний раз никуда не выберешься. Особенно тяжело приходилось маме; мероприятия в Большом зале Политехнического музея заканчивались поздно, а дорога домой занимала не менее часа. Зато снежной зимой благодать, прямо у подъезда стал на лыжи – и вперед! Никуда ехать специально не нужно. Нет дачи – перебежмся.

С новосельем мы оттягивали, пока не приобретем что-нибудь приличное из мебели и полностью не обставимся; хотелось чешскую или румынскую, но это была проблема из проблем, даже обыкновенные стулья. Объездив не раз едва

ли не все мебельные магазины Москвы, я, наконец, набрел на Покровке на болгарский столовый гарнитур. Родные края выручили: Покровка ведь продолжение Маросейки, она называлась тогда – улица Чернышевского, но и моя имела иное наименование – Богдана Хмельницкого, а прежнее вернули в 1990 году. А потом и маме повезло: в мебельном на углу Петровки она наткнулась на прекрасную, бордового цвета широченную софу из Чехословакии. Как увидела – так плюхнулась на нее и не сходила с места, пока ей не выписали чек. Продавец мурыжил ее долго, видимо, рассчитывал на другого покупателя, от которого можно было поиметь парнос. Но мама не сдавалась, и лишь перед закрытием продавец смилостивился. Софа такая была единственной. Три подушки горизонтальные, три вертикальные, поперек запросто улягутся человека четыре, что и случилось после каких-нибудь празднеств... Она (как память о матери) сейчас благополучно бросила якорь на даче (построили уже вместе с Ольгой), оцените качество: софе за пятьдесят, а выглядит свежо и молодо!

– Ну, так ты надумал ехать с нами в Мисхор? – постоянно теребил меня Гена Скитович. – У нас уже билеты на руках.

Я не знал, что ответить. Мой товарищ, тоже Гена, но Урбанович, настойчиво звал в сентябре в Сочи. Но по какой-то причине у него отпуск сорвался, и вот я уже качу на верхней плацкарте пассажирского поезда в Симферополь. Если честно, на скорый и купе, а уж тем более на самолет, денег по-

жалел, решил сэкономить. Для молодого специалиста у меня была неплохая зарплата – сто тридцать рэ в месяц, но запросы-то какие. Хочется абонементом в лужниковский бассейн обзавестись, изредка в «Метрополь» с «Савоем» заглянуть или с девушкой в самое модное тогда в Москве кафе «Националь». С прелестной Саночкой как-то не сложилось, и теперь я ухаживал за ладненькой шатенкой Женей, жившей у Красных ворот. Не против был вместе с ней шашлычок отвезти на углу Тверского бульвара и Пушкинской площади или крепкий «маячок» натуральным вкусным мороженым закусить, небрежно развалившись на высоких стульях на втором этаже коктейль-бара на улице Горького. Да много чего хотелось. Еще ведь любил в сад «Эрмитаж» или Баумана заглянуть на Эдди Рознера, Утесова или оркестр Орбеляна, опять с той же шатенкой. Я выделял для этих целей треть месячного должностного довольствия, что впритык покрывало мои желания. И то не всегда. Приходилось залезать в долги, благо на работе была Раечка с кассой взаимопомощи.

– Женись скорей и нарожай детей – денег прибавится, – подшучивали надо мной сотрудницы, – налог на бездетность снимут.

Торопиться в ЗАГС не входило в мои планы. Рано. Сейчас, если честно, жалею, что поздновато, только в тридцать девять лет, решился. Одна дочь, да и та с семьей живет далеко от родных московских пенатов.

Полезьа дальних заплывов

В Мисхоре я объявился к обеду. Солнце, застывшее над спокойным морем, жарило на полную катушку. Проблем, где бросить уставшие с дороги и валяния на верхней полке когти, не было. Едва наш автобус из Симферополя остановился, его, словно назойливые мухи, облепили местные жители, наперебой предлагая свои услуги. За рубль в сутки (из тех, сэкономленных) я снял койко-место в какой-то хибаре у Нижней дороги (есть еще и Верхняя), где до меня уже поселились трое. Несколько минут на размещение, старый чемодан с четырьмя железками по углам для прочности под кровать, паспорт, деньги тщательно, на мой взгляд, припрятаны в шмотках (для любого воришки найти – раз плюнуть), плавки, полотенце в руки – и скорее с дороги окунуться.

– Идите на центральный пляж, прямо, не сворачивая, вниз, не заблудитесь, там еще скульптура русалки у входа, – посоветовала хозяйка.

Однако до русалки я не добрел. Захотелось крымского винограда, и я тормознул у какой-то старушки, которая им торговала, разложив на табурете. «Бери, милок, любую ветку, все сладкие, из моего сада», – приговаривала бабулька. Передо мной виноград покупала блондинка в солнцезащитных очках. На плече у нее на длинных узеньких веревочках висела полотняная сумка. Легкий ветерок подхватывал ее длин-

ные распушенные, вырвавшиеся на свободу волосы и бросал их мне в лицо. В отличие от меня, бледнолицего да еще конопатого, тело девушки, упрятанное под желтой кофточкой, словно было облачено в ровный бронзовый панцирь. Я обратил внимание, что она без лифчика, и это несколько взбудоражило мое восприятие окружающего мира.

– Где вы успели так загореть? – вырвалось у меня.

– Идемте со мной, покажу, вы, вижу, только прикатили.

Я и не заметил, по дороге отщипывая от ветки сладкие виноградинки (старушка не обманула), как мы очутились на краю обрыва, глубокого спуска, почти напротив часов, утопающих в цветах и зелени густой травы, как оказалось, настоящих, да и ходивших, кстати, довольно точно.

– Если от них пойти по тропинке вверх, выйдешь к магазину и даче Натана Рахлина. Это знаменитый дирижер из Киева, а дача его – здешняя достопримечательность, – просветила моя жохатая, у которой я уже выяснил, что она из Ленинграда и зовут ее Ириной. – А мы с вами двинем вниз, вон туда, только осторожно, смотрите под ноги, чтобы не споткнуться.

«Вон туда» оказалось узким песчаным пяточком меж огромных, тесно прижавшихся друг к другу каменных глыб; я, пока спускались, мельком обратил внимание, что почти все они были заняты загорающими. У самой кромки воды Ирина бросила свои вещи, достала широченное полотенце, обернулась в него и, не обращая ни на кого внимания, быстро

скинула юбку и стала натягивать на себя купальник. Неужели она все это время, как мы встретились, была голышом? Мое естественное мужское волнение нарастало...

– Михаил, а вы что замерли? Не стесняйтесь, тут все так. Я пошла плавать, вместе или вы повалаетесь?

Вот с этого момента, неожиданно для меня самого того, все и началось... «Ах, Арбат, мой Арбат...» Нет, извините, Булат Шалвович, сейчас больше пушкинское лезет в голову: «Люблю тебя, Петра творенье...» Спасибо Ирине и ее славному городу трех революций, вот и мою жизнь революционно изменил, только не сразу это произошло.

Мы уплыли далеко за разрешительные буйки; не знаю, сколько нас не было, наверное, около часа, а то и больше, а когда возвращались, издали увидели на берегу двух человек в белых халатах. Вокруг наших брошенных вещей суетились в испуге какие-то люди.

– Вы что, ребята, охренели, весь пляж на уши поставили. Врачей вот вызвали, спасателей напрягли, уже катер на поиски зарядили. Нет и нет, хоть бы предупредили, – особенно возмутился один из потребителей крымского загара с вьющимися черными волосами, золотой, как мне показалось, цепочкой на шее и в модных голубых плавках с какой-то заграничной эмблемой. Выпалив грозно во всеуслышание свой гневный протест, он вдруг отвел меня в сторону: – Как зовут? Михаил? Я – Владимир. А девушка у тебя симпатичная. Заглядывайте вечерком к нам в ВТО, в дом отдыха актеров,

повеселимся вместе. Вам здесь каждый покажет, где это.

Легко сказать – заглядывайте, повеселимся. Я-то готов, но согласится ли Ирина, может, у нее совершенно иные планы, да и знакомы мы едва. Правда, в море успели поболтать о многом. Сначала набор стандартных вопросов и ответов, которые ни к чему не обязывали: хочешь врать – ври сколько угодно. Но мне почему-то не хотелось, и, когда Ира сообщила, что обожает историю, в следующем году заочно заканчивает истфак в Герценовском пединституте, а сейчас трудится лаборантом в каком-то питерском музее, я, чуть не захлебнувшись, радостно воскликнул, что и у меня история вместе с географией были любимыми предметами в школе. Неудивительно при моих прекрасных учителях, особенно географе, стройном худощавом величественном старике еще дореволюционной педагогической закалки. Как он глубоко, ярко все объяснял, немедленно хотелось окунуться в жизнь тех мест и краев, краешком глаза взглянуть на те страны, что абсолютно исключалось, время-то какое было, железный занавес. Я потом Настю, свою дочь, географически образовывал по этим рассказам, настолько они въелись, запомнились мне. Верьте или нет, но много лет спустя, когда заграница открылась и удалось объехать почти полмира, я восхищался, как много из услышанного на тех уроках совпадало с реальностью, особенно что касалось экономики. Сколько же таких умниц мы потеряли, а то и загубили в оные тяжелые для страны времена, растранижирили такой богатый людской ка-

питал...

Я говорил сушую правду, до сих пор искренне жалею, что поддался уговору родственников и пошел в технический вуз, а не в гуманитарный.

– Как, Ирина, принимаем приглашение? – спросил я, когда мы возвращались с пляжа.

У моей новой знакомой не было никаких планов на вечер, и, не раздумывая, она охотно проявила желание заглянуть в дом отдыха Всероссийского театрального общества – когда еще удастся (и удастся ли вообще) побывать в гостях у столличного актерского бомонда.

– Тогда встретимся часов в восемь на том месте, где виноград покупали.

– Мне лучше у часов. А у вас нет желания меня проводить, посмотрите, где я живу? Только... Нас трое в комнате.

Внезапные встречи и море удовольствия на Черном море. Владимира заметили сразу, у входа в артистический пансионат он живо переговаривался с каким-то мужчиной, лицо которого показалось страшно знакомым, но вспомнить ни я, ни Ира не смогли. Володя был в белых модных джинсах (мечта поэта), плотно обтягивающих его фигуру, и небесного цвета батнике с голубыми пуговичками.

– Пришли? Молодцы. Пойдемте, кое-что интересное увидите.

Он проводил нас в бильярдный зал. За одним из столов ловко орудовала кием немолодая уже женщина. Как же бле-

стяще она играла, никто не мог справиться! Шары почти после каждого ее удара залетали в лузу с точностью баскетбольных бросков из-под кольца.

– Знаете, кто это? Дочь Федора Ивановича Шаляпина, Ирина Федоровна.

Навеселились мы действительно вдоволь. Актеры даже в отпуске оставались верными себе. Пали режиссерские око-вы тяжкие, полное раскрепощение. Не без винного вливания, конечно, благо крымские вина были на любой вкус, у каждой хозяйки. Заводилой импровизированного капустника выступал тот самый мужчина.

– Не узнаете? – спросил Володя. – Андрей Петров, народный артист из Театра Советской Армии.

Ну да, конечно. На сцене и в кино в серьезных драматических ролях, здесь он раскрылся как яркий рассказчик всяких хохм и анекдотов под не прекращавшийся смех. Я с огромной радостью встречал потом Андрея у себя дома. В любой компании он мгновенно перехватывал инициативу и становился ее душой. Присаживался с гитарой на подоконник и начинал петь «Поручика Голицына». Как жаль, что так рано ушел из жизни...

Площадка дома отдыха показалась тесной, и вся честная компания переместилась на воздух в гости к Мите. Уж не помню, как он появился на горизонте со своей вместительной палаткой. Он разбил ее на ровной поляне близ часов. Пляж, тот самый, вот он рядом, магазин с обилием крым-

ских вин тоже. Вот уж точно в Митиной палатке народ часов не наблюдал. Уединенные парочки, кто во что горазд, никакого режима. Нас-то с Ириной это никак не касалось, мы были «дикарями», а артистическая братия, вопреки строгим требованиям, пренебрегала распорядком и удалялась к себе лишь на прием пищи.

Я наконец отыскал Генку Скитовича и приглашал присоединиться к нам, однако он предпочитал проводить время уединенно со своей будущей женой Галиной. Галя курировала франкоязычные страны в международном управлении союзного Спорткомитета, им, кстати, руководил Дмитрий Прохоров, отец Михаила Прохорова.

Ирина вскоре укатила домой, и больше мы никогда не виделись. Телефон она не оставила. Наверное, в Питере у нее был жених, и продолжение отношений не входило в ее планы. И все-таки, ау, Ирочка, если вдруг попадутся на глаза эти строки, откликнись! Что и говорить: во многих случаях решает нашу судьбу то известное французское изречение – «шерше ля фам». Мою – точно. Не затащи она меня на тот дикий мисхорский пляж под часами, не свиделся бы я с Владимиром Володкиным, в то время ведущим фотокорреспондентом газеты «Правда», что, в конце концов, резко развернуло мою жизнь в иную плоскость.

Тогда редко кому удавалось бывать за границей, а он только что вернулся из Индонезии, перед этим был на Кубе. Он умел красиво рассказать об иной жизни, говорил очень ярко,

образно, показывал привезенные с собой фотографии. На одной из них, того не ведая, Владимир запечатлел в боевом одеянии с оружием в руках капитана футбольной сборной страны, который через год погиб во внутренней междоусобице. Галантный, обходительный Володкин талантливо ухаживал за женщинами, они сами тянулись к нему. Мы как-то быстро сошлись, все оставшееся до окончания его отпуска время проводили вместе, чаще всего разговоры по душам проходили в Митиной палатке. Володя уже знал о моем пристрастии к спорту.

– Вернемся в Москву, познакомлю с Борисом Светлановым. Какую-нибудь канитель закатим. Так Боря называет мужские посиделки. Мы с ним земляки, ленинградцы. Фотограф он классный, спорт назубок знает.

Их, питерцев-фотографов, была тогда в Москве целая колония – кто в «Известиях», кто в «Комсомолке», а Светланов работал в «Советском спорте». Я по подписи под газетными снимками, конечно, знал эту фамилию, а теперь вот еще услышал, как он раскрывал любознательному юноше Володкину тайны профессии, фактически Борис Александрович был его наставником.

Обмываем победу Косичкина

В Москве мы далеко не сразу созвонились, каждый растворился в своем деле и по-своему приближал светлое буду-

щее, скорое проживание в коммунизме, обещанное Хрущевым на двадцать втором съезде партии. Каждый раз, когда я шел на работу и обратно, с плаката на «Детском мире» и старом здании МГУ Ленин, протянув руку вперед, напоминал мне, что идем мы верной дорогой и никуда с нее не свернем.

– А если мы в «Арагви» с тобой двинем или в «Савой», как вождь к этому отнесется, одобрит, как ты думаешь? – пробовал шутить мой товарищ Генка Урбанович, с которым я познакомился еще в Сочи на студенческих каникулах. У него была просто феноменальная память на анекдоты, он знал их тысячи, не стеснялся, никого не боялся, палил ими как из пулемета. Я ухмыльнулся: этот вопрос к моему новому соседу Глебу, когда, еле дождавшись одиннадцати утра, он ползет похмеляться портвейном «три семерки» в ближайшую винную лавку.

На работе запустили в проработку очередную новинку. Нагрузка увеличилась, нередко приходилось даже задерживаться и пропускать занятия на курсах английского языка. Очень боялся, как бы не вызвали в выходные, когда в Лужниках чемпионат мира по конькам. Я заранее основательно подготовился к нему. Теплый плед, подушка под зад, термос с крепким чаем, куча бутербродов и, конечно, горячее за 2.87. А иначе нельзя, крепкий мороз с сильнейшим северным ветром, а у меня еще билет на самую верхотуру, там страшно задувает. Стадион гудел, ревел в сто тысяч глоток, поддерживая Виктора Косичкина, когда он победно накру-

чивал круг за кругом на заключительной «десятке». А что творилось, когда Виктору вручали лавровый венок! Я медленно по ступенькам спускался к ледяному овалу, чтобы поближе разглядеть счастливое лицо чемпиона, и вдруг у самой кромки увидел Володкина и окликнул его.

– Ты куда пропал, чего не звонишь? Стой здесь и жди меня, – велел он.

Володкин исчез в толпе фоторепортеров, плотно обступивших Косичкина, и вернулся не один.

– Это Борис Александрович Светланов, помнишь, я обещал тебя с ним познакомить.

– Как звать? Михаил? Инженер? Ну, поехали с нами в Домжур, инженер, обмывать победу Косичкина, – от этого коренастого русского увальня сразу повеяло каким-то теплом добродушия.

Такой была моя первая встреча с этим удивительным человеком.

– Ты про «Дорогу жизни» слышал? – будто невзначай спросил меня Володя, когда мы вдвоем остались за столиком. Светланов куда-то отлучился.

– Володя, что за вопрос, ты что, меня на вшивость проверяешь? – возмутился я.

– Пока его нет, скажу тебе, Борис сам не любит об этом распространяться, в блокаду он на своем мотоцикле помогал ее прокладывать. Он ведь классным гонщиком был, много чего выигрывал в Ленинграде. После войны Боря получил

письмо. Женщина благодарила Светланова за то, что он вывез их вдвоем с маленькой дочкой в тыл по хрупкому льду Ладоги. И она не одна такая была.

За годы нашего приятельства мне не раз доводилось убеждаться, что Борис Александрович действительно гонщик от Бога. Помню нашу первую совместную поездку в Лужники на его «Волге» с номером 77–44 (литерную букву запомнил). Светланов торопился на матч «Спартак» с «Торпедо», от него ждали снимок в очередной номер. Это не то что сейчас, когда все сразу же обрабатывается и по Интернету передается со стадиона, а тогда – быстро сделал несколько кадров и мигом обратно в редакцию: проявлять, печатать, отбирать, утверждать, ретушировать отобранное, засылать в типографию и т. д., целый нудный процесс. Мы ехали молча, пока Борис Александрович не прервал тишину:

– Женат? Холостой еще? Только не доверяй этому смазливому бабнику Володкину с невестами. Ищи сам. Я свою жену Милу знаешь, где отыскал? В Черном море выловил, в Леселидзе. Черт меня дернул, – Светланов хитро подмигнул мне и улыбнулся своей доброй улыбкой, – в тот вечер пойти на пляж окунуться, устал очень, да и страшно пекло. Она заворожила меня – так красиво плыла. К берегу мы уже причалили вместе.

Я вздрогнул – вспомнил свой заплыв с Ириной... А что, если бы он тоже так закончился?

На сей раз Борис Александрович «причалил» со мной у

Западной трибуны (так величалась в те годы главная трибуна Лужников), почти напротив служебного входа.

– Посиди в машине, у меня один пропуск, сейчас что-нибудь организую, – бросил он и быстрым шагом, слегка сутулясь, удалился. Долго себя ждать не заставил: держи и иди за мной уверенно. Он протянул мне небольшую карточку-ксиву «ПРЕССА», внизу которой наискосок было тиснуто: «Проход всюду». В обиходе ее называли «вездеход», она позволяла проникнуть в святая святых, во многие «тайные» места, включая раздевалки команд, – неисполнимая мечта каждого болельщика. Потом сколько лет был у меня для служебного пользования этот «вездеход». Но то первое трепетное прикосновение к нему не забыть никогда, оно как-то возвысило меня в собственных глазах, хотя для этого я ничего не сделал. Все еще было впереди, еще надо было решиться последовать предложению Володкина и, забросив инженерию, попробовать себя в журналистике, тем более, как я похвастался, диктанты в школе писал практически безошибочно, да и с сочинениями неплохо справлялся.

Ложа под козырьком Лужников

Первый кордон («на земле») проскочили быстро, издали, в воздухе, помахав контролеру пропуском, дальше на лифте поднялись под самый козырек, где находилась тогда ложа прессы. Узкую дверь при входе в нее охранял более опытный

и вьедливый «сторож», который в лицо знал едва ли не всех – не было ведь в те годы столько изданий, сколько ныне, и о футболе писали практически одни и те же. То ли он пребывал в радужном настроении, предвкушая хороший матч, то ли спутал с кем-то или еще что-то, только он, на секунду задержав взгляд на пропуске, без звука впустил меня. Возможно, своим вопросом его отвлек Борис Александрович, он зашел следом и, оглядев ложу, уселся рядом с двумя мужчинами, потянув за рукав пиджака и меня.

– Морис, Яша, я на секунду, бегу снимать в номер, возьмите шефство над этим молодым человеком, – Светланов схватил кофр, я незаметно возвратил ему «вездеход». Прилюдно каюсь, не счесть количества совершенных подобных маневров, хитроумных комбинаций, они превращались в какой-то ритуал, азартную игру, в которой мне доводилось играть разные роли: быть и первым звеном в длиннющей порой цепочке жаждущих попасть внутрь арены на ключевые матчи, и замыкать ее, доверие было полное.

Чем жила тогда страна? Восхищалась Львом Яшиным на «Уэмбли», наслаждалась двумя новыми нерабочими днями 8 марта и 9 мая – спасибо женщинам и 20-летию Великой Победы, от души радовалась за Лидию Скобликову, кому еще так повезло: без кандидатского срока сразу в члены партии, всего-то ничего нужно было для этого – увезти с ледовой олимпийской дорожки в Инсбруке все четыре золотые медали. Кто-то гонялся за туманом, за запахом тайги и одновре-

менно вместе с Райкиным и Жванецким ржал над двадцатью двумя бугаями. Были, правда, и другие «бугаи», набегали на «бронзу» в Англии на футбольном чемпионате мира, вдохновив тем самым ребят с клюшками и коньками. Те на целое десятилетие, ведомые Чернышовым и Тарасовым, захватили мировой хоккейный престол, оттеснив от него канадцев и разных прочих шведов заодно с финнами и чехословаками.

Ну а мы на работе, своим дружным коллективом отдела, напевая: «А мне мама, а мне мама целоваться не велит», поднимали рюмку коньяка и стопку водки (вино котировалось меньше) и выпивали за то, чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями. Тогда мне даже во сне не могло присниться, что попаду под надзор и обаяние замечательных писателей-сатириков Мориса Слободского и Якова Костюковского, которые этот дивный тост придумали.

Несколько медлительный, уравновешенный Слободской и на футболе проявлял спокойствие, реагировал на события в зеленом прямоугольнике без особых эмоций, во всяком случае, внешне, внутренне, может, и переживал, но старался сдерживать себя. Зато худощавый, невысокого роста, в модной «двойке» (светло-коричневый клетчатый пиджак и темные брюки) Костюковский, наоборот, светился болельщицким пламенем, кто бы ни играл, а уж когда на поле были его любимые армейцы... В этот момент он напоминал мне знаменитого нашего опереточного артиста Ярона в «Сильве». Такая же буря страстей. Нестандартные, остроумные, а глав-

ное, объективные комментарии, произносимые Костюковским с неповторимой интонацией и особенным тембром голоса, я не раз потом использовал в «Красной звезде» в отчетах об играх ЦСКА. Когда на студии документальных фильмов я делал картину к какому-то юбилею клуба, то напросился в гости к Якову Ароновичу за советом.

– Чайку или чего-нибудь покрепче? Не стесняйтесь. Есть прекрасный кубинский ром.

– А можно обычной водочки? – осмелел я.

– Пожалуйста. «Московская» устроит? И я с вами выпью за будущий успех вашей картины.

В небольшой уютной квартире немало свидетельствовало о спортивном пристрастии хозяина. Мы уселись на диван, начали разговаривать. Так, как он знал людей, мало кто знал. И не только из армейского круга. Дружил со многими выдающимися тренерами и спортсменами, а те отвечали ему взаимностью. Я не раскрывал свой замысел, однако какими-то наводящими вопросами, на которые я даже не обращал внимания, Костюковский незаметно вытянул из меня идею, какую мне хотелось бы провести.

– А что, неплохо, не затасканно. Может быть, только...

Последовало несколько дельных советов, как самому ему все это видится на экране. «И, пожалуйста, не забудьте Боброва, обязательно с его серой, в полоску, кепочкой, ему с Бесковым шили их по заказу. Всеволод Михайлович – редчайшей души человек, а улыбка какая обаятельная».

– Они с Бесковым были два красавца – что на поле, что в жизни, – продолжал Костюковский. – Элегантные, всегда модно причесанные и модно одетые, и жены у них красавицы. А какой шорох Сева с Костей навели вдвоем на британский футбол осенью 1945 года!

Кстати, тогда я впервые услышал от Якова Ароновича об увлечении Бесковым в молодости голубями. Так вот откуда на мемориальной доске на доме на Садовой-Триумфальной, где жил Константин Иванович, эти гордые птицы. Понятно теперь.

Слободской покинул этот мир раньше, Костюковский пережил своего друга и творческого соратника, и мне посчастливилось еще много раз встречаться с ним или в Лужниках, или на «Динамо»; он старался, если был в Москве, не пропускать ни одного матча ЦСКА в компании с известной актрисой из театра «Моссовета» Галиной Дашевской, супругой Николая Маношина. Помните известную торпедовскую связку полузащитников Воронин – Маношин? По разным причинам она рассыпалась, и Николай Алексеевич завершал свою карьеру игрока уже в армейском клубе.

Однажды, когда мы в очередной раз пересеклись с ним – дело было не на футболе, а на хоккее, кажется, ЦСКА играл с «Химиком», – Костюковский отвел меня в сторону, нежно взяв за локоток, и тихо спросил:

– До меня дошел слух, будто вы, Михаил, сосватали нам в тренеры Юрия Морозова. Это так?

Я тогда работал уже не в газете, а в Госкомспорте. Но откуда это стало известно, об этом знал лишь узкий круг людей, и вообще вопрос был еще открытый, витал в воздухе как идея. Если без подробностей, то дело обстояло так. Армейцы в межсезонье остались без главного тренера, и тут меня осенила мысль (все-таки столько лет трудился в «Красной звезде», был тесно связан с командой, она была мне родной, хотелось помочь): а почему бы не позвать Юрия Андреевича Морозова. Коренной ленинградец, он тогда помогал Валерию Васильевичу Лобановскому в киевском «Динамо». Два великих в одной тренерской берлоге, не тесновато ли, хотя они вроде неплохо уживались в ней. И все-таки, мне показалось, что Морозов не прочь вырваться на самостоятельный простор. В общем, с этой идеей я отправился к своему непосредственному шефу, заместителю председателя Госкомспорта, тот, одобрив, отпасовал меня к Колоскову. От неожиданности Вячеслав Иванович сначала замахал руками, а потом воскликнул:

– А что, Михаил, идея, почему бы не попробовать?

– Надо доложить, наверное, еще и Марату Владимировичу (Грамову – тогда председателю Госкомспорта), услышать его мнение, как он отнесется, – заметил я.

– Как еще в Киеве отнесутся, Лобановский, сам Морозов? А руководство ЦСКА? Вдруг оно будет против, тогда зачем все это затевать? Бери ЦСКА на себя, твой же любимый клуб.

Не теряя времени, вернувшись к себе в кабинет, я позвонил своему давнему товарищу Юрию Матвеевичу Блузову, он тогда возглавлял ЦСКА; его первая реакция была примерно такой же, как у Колоскова.

– Странно, что никому из футбольных людей не пришла в голову эта идея. Ты нокаутировал меня ею (Блузов был боксером. – *М. Ш.*). Сейчас досчитаю до десяти, если будут силы подняться с пола (шутник Блузов, как всегда, был остроумен. – *М. Ш.*), пойду с ней к моему высокому начальству.

Поздно вечером Блузов перезвонил мне домой, сообщил, что поддержка есть, можно катить в Ленинград на рекогносцировку, только пока особо не распространяться, поменьше общаться с разными чинушами.

– Напряги своих коллег спортивных журналистов и, как бы невзначай, побольше у них выведай.

Я и выведал: Морозов – высокочлассный специалист, профессионал, как «физику» он киевлянам поставил, носятся как угорелые, тотальный футбол, как у голландцев. Словом, то, что доктор прописал, и под Новый год в Футбольно-легкоатлетическом клубе ЦСКА объявился новый главный тренер армейской команды Юрий Андреевич Морозов. Я тоже пришел на это первое занятие, чтобы... познакомиться с ним лично. Случается в жизни и так.

– Меня Колосков предупредил, что вы инициатор, всю эту кашу заварили, хорошо, если геркулесовая, я ее люблю, – Морозов улыбнулся, не спеша запивая минералкой бутер-

броды, принесенные из буфета, а потом попросил заварить кофе, если можно. – Вот уж никогда думать не думал, что в ЦСКА буду работать. Не знаю, благодарить или нет, посмотрим, как все сложится.

Сложилось поначалу не очень удачно. Под конец сезона в выездном матче в Питере армейцы уступили «Зениту» Павла Садырина – 0:1 из-за пенальти, которого и в помине не было; нарушение, за которое его назначили, случилось едва ли не в метре от линии штрафной. Вместе с моим приятелем Львом Смирновым мы сидели как раз напротив этой черты и все прекрасно видели. Зато не заметил или не захотел заметить судья, в адрес которого в Спортивно-концертном комплексе, где проходила игра, еще до начала встречи звучали разные здравицы.

Я вдруг вспомнил турнир на родине Эйсебио в Мозамбике, куда прилетел вместе с хабаровским СКА, сопровождая его в качестве журналиста. Лучше бы, конечно, вспомнил строчку из Корнея Чуковского: «Не ходите, дети, в Африку гулять» и Лимпопо с кишашими в ней крокодилами, над которой мы пронеслись так низко, что жутко стало; вот они под нами, эти страшные чудища, выползающие на берег, греются себе на солнышке, попади им в пасть, мигом заглотнут и не подавятся, время как раз завтрака и поиска добычи, раннее африканское утро.

Хабаровчане имели все шансы занять первое место, им достаточно было сыграть вничью в последнем матче с мест-

ным клубом-чемпионом «Кошту де сол» из Мапуту. Мы ехали на финал с хорошим настроением, по дороге на стадион ребята умолили Владимира Пономарева – он руководил делегацией – и тренеров остановиться на несколько минут возле зоопарка, накануне после тренировки они заезжали сюда покормить пару белых медведей и сейчас припасли для них куски мяса. Бедные животные изнывали от жары и отощали от голода, и вообще, как они оказались здесь?

Все шло к успеху дальневосточников, они сдерживали яростные атаки хозяев поля и строго выполняли установку: ни в коем случае не фолить ближе чем за десять метров от своей штрафной площадки. Однажды нарушенный наказ – и все, победа в турнире уплыла. Арбитр, не стесняясь, указал на «точку», хотя момент, требовавший обычного штрафа, случился даже не в метре, как в питерском СКК, а, наверное, в трех... Да пустяки все это. Устроители сами, конечно, чувствовали неловкость ситуации и, чтобы как-то скрасить ее, организовали на следующий день выезд команды на Индийский океан. Ну и соленый он, пресоленый, и вода упругая-упругая, так и норовит вытолкнуть тебя. Широченный пляж с чистейшим песком (крупинка к крупинке) тянулся километрами. Не дураки португальцы, превратили этот природный рай с умеренным жарким климатом в оазис отдыха и здоровья, настроили себе вилл в своей бывшей колонии.

– А там уже ЮАР, – указал куда-то вдаль наш сопровождающий.

Мы так и не поняли, где. Никаких границ, лишь на вершине густо-лесистой горы, спускавшейся уступом к морю и напоминавшей известного «медведя» в Гурзуфе, заметили будку, очевидно, это и была граница. Словом, гуляй себе туда-сюда без предъявления паспорта. Мы, правда, не решились, юаровской визы у нас не было. Да тогда она мало у кого была.

Наше внимание больше привлекла обосновавшаяся невдалеке четверка аквалангистов. Они вместе подплывали к огромному валуну, торчавшему из океана в полсотне метров от берега, а затем по очереди ныряли.

– Что они делают, что-то ищут? – поинтересовался Пономарев.

– Ищут. Это спасатели, интернациональная бригада. Вчера здесь пропал человек, на акулу, наверное, нарвался. Сам виноват, заплыл в запретную зону, – пояснил сопровождающий.

Нам мигом расхотелось купаться.

– Не бойтесь, здесь можно, здесь, видите, огорожено и не страшно, – успокаивал сопровождающий.

Легко сказать – не страшно. Во время Олимпиады в Сиднее я решил перевести журналистский дух и охладить творческий запал и съездить искупаться в Национальный парк. Верьте – не верьте, но, отплыв примерно на половину ширины Москвы-реки напротив Кремля, столкнулся лицом к лицу с... акулой. Ее не самая приятная морда, оскаленная

от злости, что не может ухватить добычу, смотрела на меня с той стороны специальной высоченной сетки с мелкими ячейками, отделявшей пляж от открытого океана, на сей раз Тихого.

Прошу прощения у читателя, что, в порыве желания побольше ввернуть каких-то интересных, на мой взгляд, деталей, подчас растекаюсь по древу, превращаюсь в уклониста от линии, нет, слава богу, не партии, а избранной схемы повествования с упором на хронологию событий. Так вот, пора вернуться на берега Невы. После того матча с «Зенитом» на обратную дорогу в Москву я напросился на армейский чартер. Весь этот час полета Морозов не мог успокоиться, сокрушался: как же так, где же справедливость, почему боковой не просигналил, видел же, что не было пенальти, и Садырин видел.

– Михаил, будешь завтра на работе, загляни к Колоскову, расскажи, как нас сплавили, как дяде, тете, всем родственникам судьи в поле дифирамбы пели. Такого в моей практике еще не было. И это в моем родном городе!

Потерянные в той встрече очки стоили в итоге ЦСКА места в высшей лиге. Команда вернется в нее через год – да как! Триумфально, станет чемпионом СССР.

Ирония судьбы, но без легкого пара. У футбольного ЦСКА потом был еще один период, когда клуб в подготовительный период по разным причинам остался без первого лица, а тут случился, мягко говоря, разлад Садырина с ко-

мандой, «Зенит» обволокло манией величия и понесло после выигрыша столь долгожданных золотых медалей. И опять, ведь знаю же, что по известной поговорке всякая инициатива наказуема, не выдерживаю и звоню Виталию Гузикову, лучшему садыринскому другу, известному журналисту и писателю. Разговор сначала о том о сем, а потом выкладываю.

– Да ты что, да не пойдет он, уговаривать его бесполезно, я же знаю его характер, – возражает Виталий. – Пашу с армией связывает разве только то, что отец его жены – полковник-политработник. А сам он сугубо штатский человек и из Ленинграда намыливаться никуда не хочет, прирос к нему после своей Перми.

– Виталий, ты все-таки спроси: в принципе он готов пойти? А вдруг клюнет, тогда свяжемся с ЦСКА, предложим его кандидатуру. В ЦСКА еще тоже должны клюнуть.

В общем, напряженным совместным трудом вытащили рыбку из питерского пруда в московский. Нисколько не ставлю себе все это в заслугу, а просто констатирую, как приятные факты в собственной биографии. Да и кто сейчас вспомнит об этом, и кому это нужно, когда иных уж (и, к сожалению, многих свидетелей и непосредственных участников событий тех лет) нет, а другие далеке от нынешней, развивающейся по совершенно иным законам, спортивной жизни.

Но, кажется, я забежал далеко, на годы вперед, и пора возвращаться к моему самому первому посещению лужниковской ложи прессы. К началу матча она заполнилась почти

полностью. «Мержанов с Филатовым пришли. Надо бы спросить, что там в сборной делается», – услышал я разговор моих соседей. Мартын Иванович Мержанов был основателем и первым редактором еженедельника «Футбол», Лев Иванович Филатов, золотое футбольное перо, – будущий редактор. Я пытался распознать, who is who? Мержанов, я читал его биографию, фронтовик, был ранен, прихрамывает, он наверняка тот пожилой человек в коричневом костюме с палочкой. А Филатов рядом с ним в красивом твидовом пиджаке.

Кого без труда узнал, так это Михаила Михайловича Яншина, народного артиста СССР, одного из великих мхатовских «стариков». Его округлое лицо излучало само добродушие, а улыбка разглаживала морщины. А голос, которым столько мультиков озвучено, мимика, разве их с кем-то спутаешь. Э-э-э... Он медленно, растягивая слова, начинал любую фразу, будто копил в себе, что скажет дальше. Грузноватый, Яншин сидел рядом со входом в ложу; это было его постоянное место на всех встречах любимого «Спартака», и невольно разговор с ним заводился сам собой. Михаил Михайлович охотно поддерживал его. Нередко по соседству с ним можно было видеть Андрея Петровича Старостина, любимца столичной артистической богемы. Какая выправка, ни намек на сутулость, а как ладно сидит на нем костюм, манекенщикам на зависть. Их привязанность друг другу понятна: одно время Яншин был худруком театра «Ромэн», где играла супруга Старостина.

Ну а уж присутствие в этой теплой компании Николая Николаевича Озерова сам Бог благословил – Озеров ведь тоже мхатовец и почти весь театр вовлек в боление за «Спартак». Вот уж кто при всей общенародной любви и известности никогда не кичился своей популярностью, был ровен в отношениях со всеми, своим редкостным обаянием притягивал к себе людей. Мы ближе познакомились позже, когда я волею обстоятельств оказался на Пятницкой, 25, в отделе спорта Всесоюзного радиокомитета. Озеров немного косолапил, при ходьбе переваливался с боку на бок, словно ракеткой тянулся за ускользящим мячом. А может, при его грузности ему так легче было переносить центр тяжести. С возрастом это стало проявляться больше, а потом и ноги подвели, пришлось пересест в коляску. Таким, в коляске, я видел его последний раз на каком-то спортивном празднике в ЦСКА.

Имена еще двух людей в ложе вызывали у меня трепет, они были для меня божествами. Слегка припадающий на левую ногу, неторопливый, без грамма лишнего веса в его-то возрасте, Юрий Ильич Ваньят из «Труда» отличался колкостью, хитрецей, резкостью в суждениях, и еще – он как-то по-особому, с переливами смеялся. Ему не чужд был взгляд вслед удаляющейся красивой женщине, в человеке бурлила жизнь.

...Сочи. Знойный июльский полдень. До начала Мемориала братьев Знаменских времени целый вагон и маленькая тележка. Где скоротать его? Ну, ясно где – на пляже. Распо-

ложились с Юрием Ильичом у самой кромки воды. Вдруг видим – объявляется Валентин Лукич Сыч, тогда он был заместителем председателя Спорткомитета.

– Не дай Бог, к нам подвалит, не избавимся от нотаций. То баскетбол, то футбол с хоккеем, сейчас легкой атлетикой голову заморочит.

И как в черноморскую воду глядел. Не раздеваясь, как был, в костюме, Сыч начал окучивать нас проповедью, как и что писать.

Я видел, как лопается терпение Ваньята и он начинает закипать. Зная его характер, сейчас точно вспылит.

– Лукич, мужик ты или нет? – резко оборвал он Сыча. – Раскрой глаза, вокруг столько прелестных женщин, наслаждайся, а ты о чем?

– Вы что, на баб приехали пялиться?

– А почему нет, если красивые? Энтузиазма добавляют.

Оставалось еще только пропеть знаменитую песню Бони из «Сильвы», но Сыч удалился и без нее, лишь вечером после соревнований прошил нас обиженным взглядом: ну что, налюбовались?

Материалов Ваньята откровенно побаивались, они были всегда остры и злободневны. Хорошо помню один из них: «Заслуженный ли мастер спорта Йозеф Сабо?» В матче киевских динамовцев с торпедовцами Сабо нанес тяжелую травму одному из автозаводцев. Юрий Ильич был уверен, что он сделал это не случайно, по неосторожности, в пылу

борьбы, а намеренно. Сабо, блестящий полузащитник, умница на поле, с великолепно развитым чувством игры, извинился, конфликт был исчерпан.

Противоположностью Ваньюту был реактивный, постоянно в поисках чего-то нового, оригинального Борис Федосов, весь такой вальяжный, статный красавец. Они долго работали вместе, пока Борис Александрович не перекочевал в соседний дом, в «Известия». Это он придумал знаменитый хоккейный турнир и «Снеговика» на радость миллионам болельщиков. Авторитет и профессионализм Федосова привели его в кресло президента Федерации футбола СССР. Большой выдумщик, великолепный организатор, он обладал не только журналистским, но и писательским талантом. Какие прекрасные книжки про природу писал Федосов, уединившись в подмосковном известинском доме отдыха на Пахре. Уже годы спустя он дарил их, в тайне от меня, моей супруге, чем-то Ольга Борису Александровичу приглянулась. Наверное, тоже своей статью...

Естественно, я старался излишне не досаждать Светланову, обращался только по событийным мероприятиям, когда не достать билет, как, к примеру, на тот же федосовский «Приз „Известий“». Иногда он звонил сам: «Ну что, инженер, еще не созрел менять профессию? На ЦСКА – „Спартак“ собираешься? Лады. Встречаемся у десятого подъезда, не опаздывай». (Подъезд номер 10 в лужниковском Дворце спорта был служебным, пресса проходила через него).

Не боги горшки обжигают, но все-таки...

Все складывалось замечательно, я постепенно обрастал новыми знакомыми, но одно, и весьма существенное, тяготило: а мне-то что делать в этой совершенно новой для меня среде, впишусь ли в нее, да еще вилами по воде писано, возьмут ли куда-нибудь на работу, это надо заслужить, себя проявить? Не боги горшки обжигают, но все-таки. С кем ни поговоришься – почти все после факультета журналистики, со специальным образованием. Не рискую ли, худо-бедно, у меня все стабильно: сейчас инженер, вот-вот в старшие переведут, и с моей зарплатой после мизерной студенческой стипендии мы с мамой ожили. Но ведь и перспективы особой не вижу – так и продолжать всю жизнь сидеть за кульманом? Угнетало, что целый день находишься взаперти, выпускают «на волю» только в обед. Свободный ход для избранных.

В выходные несколько раз ездил с Володкиным на разные его задания; он сам составлял тексты под свои снимки и однажды предложил попробовать мне, кажется, про какую-то новинку в железнодорожном транспорте.

– А что, неплохо, – похлопал он меня по плечу, когда на следующий день я показал ему свой вариант. – Слушай, выручи Славу Щербатова. Ему в «Московские новости» кровь из носа нужен материал про зимние студенческие каникулы, а некому взяться, в отделе все заняты. Давай, берись.

К моей радости и внутреннему самоутверждению, Щербатов заметку не забраковал, слегка подредактировал и за-слал в типографию. Материал вышел в одном из ближайших номеров с моей подписью.

– Если у Щербатова не возникло претензий, а он жуть какой придирчивый, считай, боевое крещение ты выдержал, – поздравил меня Володя. Я долго хранил эту газету как самую драгоценную реликвию, но, к сожалению, где-то она затерялась. Наверное, когда с мамой с Мосфильмовской переезжали на улицу Маркса-Энгельса, возле Библиотеки имени Ленина, съехались с моей бабкой, она жила одна в своей квартире после смерти мужа-генерала. Сдали свою комнату государству, сделав в ней ремонт, – и справили новоселье.

– Мишка, что делаешь вечером, может, пересечемся, разговор есть, – хотя Лева Фишер давно не звонил, я сразу узнал его голос.

Длинноногий Фишер с «косым взглядом на жизнь», как по-дружески говорили о нем (Лев немного косил), трудился в милицейской системе, в какой-то газете районного масштаба.

– Слушай, у меня для тебя новость! Хочешь попробовать себя в детской передаче «Внимание, на старт!»? – ошарашил он меня, когда мы встретились у кинотеатра «Художественный». – Я там уже год подрабатываю. Татьяна Михайловна Аристова, редактор этой передачи, классная тетка. Она ищет нештатников, и я назвал ей твою фамилию. Что задрожал,

не бойся! Такой случай, главное радио страны, соглашайся, дурак!

Действительно дурак, если откажусь от такой возможности проявить себя. Теперь в свободное время я гонял по соревнованиям гимнастов, прыгунов в воду, пловцов, фехтовальщиков, фигуристов, горнолыжников, теннисистов, в других видах с участием юных спортсменов. Набирал материал, выуживал информацию, брал интервью, еще до конца не ведая, во что это все выльется. А вылилось в то, что оброс контактами, которые мне очень пригодились в будущем. Блокноты разбухли от занесенных в них отдельных эпизодов и событий в целом, а главное – имен с подробными биографиями. Назову лишь некоторые: Ирочка Роднина, Леночка Вайцеховская, Володя Васин, Володя Назлымов, Олечка Карасева и Витя Клименко... Все они, будущие олимпийские чемпионы, стали героями моих первых материалов. Я с трепетом ждал каждый четверг, 7.40 утра, когда выходил очередной выпуск: включит ли Татьяна Михайловна в него что-то мое. Как правило, проходило все, что писал, а текст великолепно читал диктор и замечательный артист Феликс Тобиас.

Это была прекрасная практика: ведь сочинять о детях и для детей куда сложнее, нежели для взрослой аудитории. Не заумно, просто и доходчиво, иначе не воспримут. Не скрою: мучился, подбирая нужные слова и выражения, переделывал по нескольку раз. Но сам процесс уже захватил меня

полностью, не отпускал. Когда однажды мой одноклассник Адик Полехин, с которым мы на большой школьной перемене умудрялись прочитывать «Советский спорт» от корки до корки, заказал для «Пионерской правды» сделать подборку о Людмиле Турищевой и еще о нескольких известных юных чемпионах, тема далась мне на удивление легко. Рассказ о Турищевой назывался «Жердочка»; я образно сравнил узкую деревянную полосу, переброшенную через глубокое горное ущелье, по которой девочка добиралась в школу, с гимнастическим бревном. Упасть в прямом и переносном смысле было смерти подобно (недаром же бревно считается у гимнасток контрольно-пропускным пунктом) – прощай мечта о победе в олимпийском гимнастическом многоборье. А Людмила ее добила.

Аристова после моего годичного испытательного срока вручила мне отпечатанное на официальном бланке письмо, из которого следовало, что я являюсь штатным корреспондентом детской редакции Всесоюзного радио и Центрального телевидения, располагавшейся тогда в Доме звукозаписи на улице Качалова, 24. Первый мой журналистский документ. Благодаря ему появилась возможность аккредитоваться как на всесоюзных турнирах, так и на международных – чемпионатах Европы и мира, проходивших в Москве. В середине шестидесятых их было в столице немало: по фигурному катанию, фехтованию, боксу. Правда, допуск в Лужники на большой хоккей или большой футбол письмо не гаран-

тировало, но тогда меня выручал со своим «вездеходом» Борис Александрович Светланов.

Встречаемся на пляже в Гаграх

Все сомнения трактуются в пользу не только потерпевшего, иногда и в пользу колеблющегося. И опять фоном проходит «самое синее в мире Черное море мое». Сколько раз уже упомянуто, и вот снова оно «на кону», в дамках. Я ведь свою золотую женушку-рыбку тоже выловил в нем, только севернее Леселидзе – в Одессе. Случилось это, правда, в следующем десятилетии после того, в котором я сейчас проживаю. Свадебная церемония проходила в Кутузовском ЗАГСе, а само праздничное застолье – в ресторане «Прага». Борис Александрович как-то незаметно отлучился после марша Мендельсона и обмена кольцами и появился как раз к первому тосту за молодых с толстенной пачкой свежих фотографий. Это произвело настоящий фурор. Что и говорить, большой был мастер. Только один светлановский снимок счастливого Бориса Майорова, капитана сборной СССР по хоккею, с двумя поднятыми над головой кубками за победу в чемпионатах мира и Европы 1963 года обошел всю планету. А сколько еще было таких снимков – целая летопись отечественного спорта. Подчас его сравнивали со знаменитым однофамильцем-музыкантом Евгением Светлановым и даже приписывали родство. Борис Александрович резко воз-

ражал:

– Мне чужой славы не надо. У меня в руках другой инструмент.

Но сейчас я о другом. Сейчас волны Черного моря снова накатывают на кавказское побережье. Приблизился очередной сентябрь, по графику мой отпуск, и на этот раз, поднакопив побольше денег, чтобы чувствовать себя увереннее, решил двинуть в Гагру.

– А что, инженер, не отдохнуть ли нам вместе, я давно не был в тех краях, есть что вспомнить, – среагировал Светланов на мое известие. – Давай так: ищи приличное пристанище, только не колхоз, один на другом. Пусть дороже, но поприличнее. Осилим как-нибудь. Как найдешь – дай знать, я вылетаю.

Сентябрь еще высокий сезон. Еще его называют бархатным. Все лучшее практически разобрано. Тем не менее мне удалось снять целый отсек в доме в Жоэнварском ущелье, это сразу при въезде в Гагру со стороны Сочи. Уютно, большой двор, жара не ощущается, море рядом через красивейший парк с водоемами, в которых плавает разная живность. Хозяйку звали Аня Коландадзе. Вдова-армянка, мужа, двухметрового грузина, ватерполиста, скосила проклятая болезнь века, есть сын, тоже Володя, еще школьник. Я договорился с хозяйкой не только о жилье, Аня согласилась готовить для нас завтраки и обеды, могла и ужин, но тогда мы были бы вечером связаны, а так – вольные казаки, гуляй,

Вася... В тот же вечер дозвонился до Бориса, все это ему сообщил.

– Отлично, завтра же беру билет на ближайший рейс. Еще Слава Семенов с радио к нам присоединяется.

Аня расширила зону нашего жилища, уступив свою комнату, а сама перебралась к сыну. Она, отличная повариха и чистюля, целый месяц баловала нас разнообразной кавказской кухней, вкуснятина – пальчики оближешь, а уж «горючее» к обеду являлось нашей заботой, за полчаса до него мы снаряжали гонца (им по очереди был каждый из нас) в магазин. Перепробовали, мне кажется, весь тамошний алкогольный ассортимент.

Балагур-остроумец, Борис Александрович быстро собрал вокруг себя людей на пляже. Исходившие от него флюиды веселья заряжали хорошим настроением на целый день. Иногда мне казалось, что для Павла Кадочникова прообразом его героя в фильме «Запасной игрок» стал именно Светланов, и ведь фамилия этого героя была... Светланов. «Нам года – не беда... Оставайтесь, друзья, молодыми, никогда, никогда, никогда не старейте душой», – так и хотелось подпевать ему. Совпадение? Случайность? А может, вовсе и нет, может, это идея Кадочникова. Они ведь земляки и могли прекрасно знать друг друга.

Сколотилась тесная компания, человек, наверное, пятнадцать, преимущественно из москвичей и ленинградцев. У нас был свой «культурорг»; кроме организации походов в Зе-

ленный театр на заезжих гастролеров, на него также возлагалась обязанность заказа столика в знаменитом ресторане «Гагрипш» (его известность заключалась еще и в том, что построен был без единого гвоздя), если коллектив вдруг надумал гульнуть.хлопот хватало и «заведующему пляжем» – застолбить лучшие места с лежаками в центре парка, и «заведующему отделом печати», чьей задачей было обеспечить коллектив свежей прессой, не упустить момент, когда ее доставят в парковый киоск, иначе мгновенно разберут «Советский спорт». Котировались также «Вечерний Тбилиси» и «Молодежь Грузии», дабы быть в курсе жизни республики.

Не обошлось в компании и без ответственной и хлопотливой должности завкадрами. Особенно донимал «кадровика» Толя Пушкарский своим желанием познакомиться с девушкой исключительно с осиной талией и пышной грудью, других не признавал. Долгие и настойчивые поиски увенчались успехом: на пляже около Колоннады такая красавица, харьковчанка, отыскалась, ее вовлекли в нашу компанию, и все радовались, наблюдая, как молодых увлекла страстная любовь. Практически в одном и том же составе наш коллектив собирался в Гагре несколько лет кряду. Даже дата съезда была согласована заранее – первые выходные сентября. Опоздавших штрафовали, они «откупались» тремя бутылками шампанского.

Потехе – время, но и делу нашелся час. Анин сын занимался фехтованием. Увлекалась им едва ли не вся гагрин-

ская детвора. Секция располагалась в Доме пионеров, а тренировала ребят его директор Роза Иродионовна Джологуа, сама отличная рапиристка, неоднократная чемпионка Грузии. Мы с Борисом Александровичем «клюнули» и помчались знакомиться с ней. Напряжение от неожиданной встречи с неизвестными ей заезжими из Москвы не сразу удалось растопить. Невысокого роста красивая грузинская женщина, волосы которой изрядно посеребрило время, не очень-то охотно шла на контакт. Тонкий светлановский юмор, комплименты, шутки-прибаутки – и ключи подобраны. Сколько же удовольствия мы получили и от той первой встречи, и от многих последующих, особенно когда вместе с ней посещали гостеприимные гагринские дома. Завязалась тесная дружба, которая тоже поспособствовала ответу на вопрос: в конце концов, вырвусь ли я из рядов колеблющихся и сомневающих или так и завязну в них?

Договорились, что назавтра пожертвуем Аниным обедом и снова объявимся в Доме пионеров, будем делать материал о школе. Тема уж больно выигрышной показалась. Я еще только входил в рабочий ритм после возвращения в Москву, когда позвонил Борис Александрович:

– Инженер, тебе два дня на текст, материал заявлен в ближайших номерах. Снимки готовы.

После появления нашего репортажа в «Советском спорте» интерес к фехтовальной школе Розы Джологуа проявили в других изданиях. Во «Внимание, на старт!» прозвучало да-

же два очерка, а в итоге детская редакция взяла шефство над юными гагринскими спортсменами, пригласила в Москву на зимние каникулы, даже билетами на елку в Кремль обеспечила, что было невероятно сложно. Журнал «Физкультура и спорт» отвел под материал несколько полос, а Людмила Доброва, курировавшая такие темы, отправила меня в командировку развивать ее сначала в Осетию, в Пригородный район, а потом в Молдавию. Хорошо, что на работе у меня накопилось немало отгулов за дежурства в выходные и в народной дружине.

Приоткроем калитку для Писаревского

Пока в повествовании не приоткрыта дверь для Владимира Писаревского, популярного нашего хоккейного комментатора. Известный хит «Нас не догонят» можно смело отнести и к нему, попробуй догнать, когда у человека на счету без малого тридцать чемпионатов мира и олимпийских турниров. Между тем его роль в наступивших вскоре существенных переменах в моей жизни тоже весьма заметна.

Неумолимый бег времени добавляет нам лет, приближает старость и стирает в памяти детали. Мы долго спорили с Володей, когда и где впервые пересеклись наши дороги. Писаревский «настаивал» на ресторане гостиницы «Советская», мол, на встрече Старого Нового года оказались за одним столом. Была тогда в Москве такая добрая традиция: на второй

день праздника (1 января, 2 мая, 8 ноября и уж обязательно 13 января) собираться компаниями в этом ресторане. Битва за столики шла не менее отчаянная, чем в серии СССР – Канада (используя именно такое сравнение, учитываю страсть Писаревского к хоккею, в котором он достиг высот мастера спорта и выступал за клубы высшей лиги).

– Мы еще мой день рождения отмечали, он со Старым Новым годом совпадает, – убеждал Володя.

Может, и так. У меня, однако, была иная версия: турнир лучших гимнастов страны. Тогда постепенно сходили с помоста «звезды» старшего поколения и зажигались на небосклоне новые – Наталья Кучинская, Лариса Петрик, Маша Филатова, Зинаида Дружинина, Михаил Воронин, Сергей Диамидов... У меня было задание рассказать об этих соревнованиях в ближайшем выпуске передачи «Внимание, на старт!», а Володя готовил репортаж для себя, для спортивной редакции Всесоюзного радио и Центрального телевидения (тогда это было единым целом).

– Забыл? Ты еще после соревнований затащил меня с собой на Пятницкую в Радиокomiteт, – звучал аргумент в защиту моей версии. – До ночи с тобой засиделись, что-то выдумывали, чтобы ярче подать материал, даже для сравнения Лаокоона с Гераклом и Афины с Пенелопой приплели.

Писаревский, мне кажется, сдался, убедил я его. А закончилась та история тем, что «славу» поделили пополам: Володя прозвучал со своим отчетом в «Спортивном дневнике»,

который ежедневно выходил в эфир в 23 часа, а меня с моим вариантом «засунул» в какой-то сборник специально на зарубежные страны.

Однажды Писаревский позвонил мне:

– Сборная Бразилии по футболу прилетает, Пеле, Гарринча, Беллини, все едут. Махнешь со мной в Шереметьево?

Рейс был вечерний, отпрашиваться с работы не надо, я согласился. Мы примчались заранее, аэропорт был еще старый, международный отсек располагался отдельно. Долго уговаривали пограничников, чтобы нас подпустили ближе к выходу. Наконец объявили о посадке борта из Рио-де-Жанейро, и мало кто обратил внимание на другое объявление – о прибытии самолета из Милана. Пассажиры обоих рейсов появились в зале прилета почти одновременно, и вдруг одна из пассажирок, завидев Пеле, бросилась к нему, обняла за шею и начала целовать. Это была популярная эстрадная певица Рита Павоне, солистка известной группы «Кантаджиро», которой на следующий день предстоял единственный концерт в Москве в Парке культуры и отдыха имени Горького. Как же не повезло итальянцам – в Москве за несколько часов до их выступления разразился сильнейший ливень. Но разве он мог остановить наш народ, «Зеленый театр» оказался в осаде. Так на моих глазах штурмовали Политехнический в желании услышать Илью Эренбурга, которого Гитлер за его памфлеты и убойные статьи, наряду с Юрием Левитаном и Кукрыниксами, называл в числе своих самых злейших вра-

гов. Ажиотаж вокруг концерта «Кантаджиро» и, естественно, вокруг матча был просто сумасшедший. Мы с Писаревским долго искали ход, как объединить оба таких события. Нашли! Через ту же синьору Павоне, которая неплохо разбиралась в футболе и хорошо знала как своих игроков, так и бразильских.

– Какой же я идиот, такой кадр упустил! – сокрушался приехавший вместе с нами встречать чемпионов мира фотокор «Советского спорта» Юрий Моргулис. В тот момент, когда на зацелованных щеках «короля футбола» Павоне оставляла следы от яркой помады, он куда-то на секунду отлучился. Щелкнул какой-то паренек, неизвестно как пробравшийся в зал прилет. Говорят, он потом немало заработал на этом. В подобной ситуации однажды оказался Светланов, но, проявив находчивость, выкрутился из нее. Борис Александрович выходил из магазина на улице Горького, когда вдруг увидел идущих ему навстречу Никиту Хрущева и Иосипа Броз Тито. Черт возьми, аппарат в машине, бежать за ним некогда. На глаза попался какой-то мальчуган со «Сменой». Светланов не растерялся, сунул ему деньги, выхватил фотоаппарат... Редкостные кадры, в том числе и в кафе-мороженом, обошли весь мир. Где теперь эти снимки? Весь свой богатый архив Борис Александрович незадолго до смерти вынужден был продать канадцам, на жизнь не хватало...

Мы уже собирались уезжать, дело сделано, информация о прибытии передана, автобус с бразильскими игроками ука-

тил в гостиницу, как вдруг на улице увидели тучную фигуру Феолы, главного тренера гостей. Вместе с переводчиком человек-гора ожидал специально посланный за ним ЗИМ, задержавшийся где-то по пути. Нам подфартило. Наставнику чемпионов мира нечего было делать, и он охотно согласился на интервью, которое потом продолжилось и в салоне наконец-то прибывшего автомобиля. Спустя почти полвека во время Олимпийских игр-2012 на знаменитом лондонском стадионе «Уэмбли» мне довелось взять интервью еще у одного бразильского тренера, который дважды причастен к победам своих соотечественников на мировых первенствах. Это был г-н Паррейра.

О, «Уэмбли»! Голубая мечта. Неужели она, наконец, осуществилась! И как! Взрослый дядька, семьдесят пять уже, а по-юношески содрогаюсь от неземного счастья – в кругу каких знаменитостей оказался благодаря олимпийской аккредитации. Кто-то млеет от посещения театров, а у меня с молодости страсть к стадионам. Приезжаю в другой город, где еще не бывал, и чаще всего начинаю знакомиться с ним со стадионов. Мне кажется, я попадаю в совсем другой мир, здесь витает иной дух, совсем иная аура и атмосфера, напрочь отсеченная от прочих жизненных забот. Чудесные парки, своя необычная архитектура, разные истории, не только спортивные, некоторые просто любопытные или забавные. Одна из них приключилась на моих глазах в начале семидесятых годов в Тбилиси.

Нелегка ты, шапка талисмана

Виной тому, что я оказался тогда в грузинской столице, были армейцы Москвы и ленинградские спартаковцы. Их ожидала переигровка за звание чемпиона СССР по баскетболу. Александр Гомельский против Владимира Кондрашина. Битва корифеев. «Михей, упрячь свой блокнот подальше, летишь с нами не корреспондентом, а как талисман», – Александр Яковлевич дружески похлопал меня по плечу перед посадкой в самолет. – «Яковлевич, я не понял, что за шутки». – «Все серьезно. Николаев посоветовал. Ты же в Ташкенте сидел на лавке запасных, и наши победили. Смотри, сейчас не подведи».

Ах, вот в чем дело. Ну, спасибо, Александр Яковлевич, за доверие. Гомельский вернул меня на год назад, когда в такой же ситуации, правда, в двух дополнительных матчах, футболисты ЦСКА вырвали чемпионское золото у земляков-динамовцев. В те годы еще не проявлялось болельщицкое рвение летать за любимыми командами. Замена московским фанам, однако, нашлась, и какая – чуть ли не сплошь все героини соцтруда. Их имена гремели на всю страну. Хамракул Турсункулов, трижды Герой, директор знаменитого совхоза «Политотдел». В Ташкенте со всей республики собрали самых знатных хлопкоробов, и обе игры на стадионе «Пахтакор» вписались в их большой праздник по случаю окончания сбора

урожая. Я тогда с разрешения Валентина Александровича Николаева, главного тренера армейцев, скромно пристроился на самом краешке их скамейки, зато оказался очень близко к той самой кочке, отскочив от которой мяч после удара Владимира Федотова изменил направление и юркнул в ворота мимо рук Владимира Пильгуйа.

– Баскетбол вечером, а до этого давай сгоняем на футбол. Кое-что интересное увидишь, – порекомендовал коллега из «Вечернего Тбилиси» Борис Каменский. – От твоей гостиницы недалеко, по Плехановской прямо, никуда не сворачивай, встретимся у служебного входа.

«Кое-что интересное» не заставило себя ждать. С полкилометра, наверное, не прошел, как мимо даже не проехал, а черепахой прополз черный ЗИЛ. Я обомлел. Держась за поручень (такими оборудуют парадные автомобили), в нем застыл... Хрущев – он приветствовал народ, приподняв шляпу, обнажившую лысую голову. С тротуаров отвечали дружным взмахом рук и какими-то криками и возгласами на грузинском языке. На Никите Сергеевиче под светлым пиджаком была традиционная украинская вышиванка. Сходство было настолько один в один, что я в первую минуту, опешив, тоже попался на эту злополучную удочку, скорее, злую шутку, и только потом в голове мелькнуло: «Что за бред, Хрущев уже два месяца, как умер». У центрального входа стадиона водитель, не в пример своему располневшему пассажиру, долговязый худющий грузин с надвинутой на гла-

за кепкой-аэродромом, притормозил, не спеша вышел из кабины и приоткрыл дверцу. И тут, едва бывший партийный «вождь» сделал первый шаг, к нему бросились несколько милиционеров. И началась погоня! Хохот. Толпа ревет от удовольствия. Мнимый «Хрущев» оказался неплохим физкультурником-бегунком, стражи порядка, отяжеленные винными животами, настигли его лишь через несколько кварталов.

– И что, так у вас перед каждым матчем?

– Раньше, когда Хрущев был жив, частенько, а сейчас иногда. Народ веселится.

Зато на баскетболе мне было не до веселья, с ролью талисмана я явно не справлялся. Оставались три секунды, армейцы проигрывали одно очко. Заполненный десятитысячный зал, болеющий за «Спартак», ревел, предвкушая его успех. Гомельский берет тайм-аут, что-то рисует на листке бумаги. Безднадега или?.. Нет уж, от Москвы до кавказских морей Красная армия всех сильнее! Изящная искрометная комбинация Кульков – Едешко – Белов, и Сергей с мячом в самом углу площадки, развернувшись, своим по-кошачьи мягким броском точно кладет его в кольцо. Ура! ЦСКА – чемпион! Моя репутация талисмана спасена. Зал взрывается аплодисментами. Сергей сам не верит в случившееся, сидит на скамейке, обхватив голову руками. Гомельский тормошит его, обнимает. На глазах Александра Яковлевича слезы счастья, на лице его питерского коллеги Владимира Кондрашина – отчаяние. Через год в Мюнхене оно сменится у него радо-

стью, которую Владимиру Петровичу доставят, прежде всего, оба Беловых – и московский, и питерский.

На Играх-1972 такие же три мгновения станут для отечественного баскетбола победными олимпийскими. В решающем матче с командой США Сергей Белов занесет в копилку нашей сборной львиную долю очков, но в героях пребывает его однофамилец, Александр Белов. За какую-то микроскопическую долю секунды до финального свистка он уложит в американскую корзину золотой мяч, а ассистировал ему своей передачей через всю площадку Едешко. Зря, что ли, он потренировался тогда в Тбилиси...

Возвращался поздно вечером в гостиницу, а перед глазами – та сцена с погоней. Мне стало по-человечески жалко бедного парня. Кто придумал выставить его, наверное, не совсем психически здорового, на всеобщее посмешище, не говоря уже о том, что и сама шутка выглядела отнюдь не безобидной. Когда возвращались в Москву, рассказал об этом эпизоде Гомельскому. Он долго качал головой: «А ты приглядишься к одному известному клубу, нет, не из Прибалтики, на выездные матчи он возит с собой юродивого, и как же жестоко обращаются с ним: сами на ночь в гостиницу, а его запирают в автобусе, спи там. Как так можно поступать с человеком? Для них он шут гороховый – и все. А ты вспомни, как все к нашей Машке, Марии относятся. Уважительно, по-доброму».

Ветеранам московского спортивного боленья, думаю, по-

нятно, о ком речь, надеюсь, временем не выветрило. Я тоже был знаком с этой невысокой, слегка сгорбленной женщиной, угадать возраст которой было неразрешимой задачей. Страстная болельщица армейцев, казалось, ее действительно знала вся Москва. Да, вечно неопрятно одетая, с этой сказкой из двух букв (е...), пулеметной скороговоркой вылетавшей из ее рта. Но пройти мимо нее, не заметив, когда игрались матчи с участием команд ЦСКА, было просто невозможно. Маша появлялась перед тобой как-то неожиданно, будто вырастала из-под земли; стадионные контролеры охотно пропускали ее без всяких билетов.

– Эй, – дергала она меня за рукав, – будешь писать в газете, скажи, е...

Далее из нее вырывались такие детали, что грех было не воспользоваться некоторыми, конечно, не сразу, а проверив, и, надо сказать, почти все они оказывались достоверными. Откуда только она все это узнавала? Доверием пользовалась наша Маша. Жизнь изрядно потрепала ее, но не лишила разума. Ей многое было известно, она неплохо профессионально разбиралась в разных видах, и спортсмены, тренеры не чурались прислушиваться к ее мнению. Вершиной для нее можно считать приглашение Анатолием Владимировичем Тарасовым на сборы хоккеистов. Каюсь: может, в действительности ее звали вовсе не Машка, Машка к ней просто приклеилось, а настоящее имя было другим. Если так – прости нас, хорошая женщина.

Любые деньги за ЗИЛ

Не знаю, как сложилась дальше судьба того грузинского Лжедмитрия, а вот с ЗИЛом было все в порядке. И спустя годы он выглядел, как новенький, как те, в которых разъезжают на парадах на Красной площади. Все блестело, сверкало, будто только сошел с конвейера или вообще был ручной сборки. Явно чувствовалось гаражное хранение и тщательный уход. Может, ошибаюсь, и это был вовсе не тот самый черный ЗИЛ. Но если даже и другой – то, думаю, это дела не меняет, «приклеился» к нему один любопытный факт. На штучный товар завода имени Ивана Алексеевича Лихачева (с превеликой радостью называю полностью имя этого замечательного человека, поскольку с ним в долгой дружбе был мой дед) положил глаз важный отпрыск королевской семьи Саудовской Аравии, и так цепко (вынь да положь), словно лучшего автомобиля представительского класса на свете не сыскать. Прокатиться хоть в отдаленном будущем на такой «тачке» было неосуществимой мечтой наших людей, мне и в голову не могла прийти мысль про сувенир. В богатейшей коллекции знатной персоны из самой богатой страны Ближнего и Среднего Востока, среди ведущих марок мирового автопрома, только русского авто не хватало...

Снова Тбилиси, молодежный чемпионат мира по футболу. VIP-гость (буду дальше величать его принцем) прилетел

вместе со сборной своей страны и с той минуты, когда за ним к трапу самолета подкатили лимузин, не переставал до-
нимать организаторов:

– Плачу любую сумму. Миллион долларов хватит? Мало?
Добавлю!

Я тогда уже работал в Госкомспорте и был командирован на турнир с задачей от руководства помочь наладить работу пресс-центра, а еще – уделить повышенное внимание генсеку Олимпийского комитета Турции Тогаю Баятлы. Я когда его встретил в тбилисском аэропорту, обомлел от голубизны глаз.

– Это у меня наследие от бабушки, она – грузинка, – рас-
сеял мое замешательство г-н Баятлы, и улыбка утонула в сол-
нечных бликах, озарявших его округлое лицо. И еще меня поразила его прическа – аккуратно уложенные седые волосы.

Жуткий цейтнот, а тут еще принц с укоряющим взгля-
дом: когда же, в конце концов, вы назовете цену. И так, и сяк, никак не отвлечь его от навязчивой идеи. Пришлось вы-
звать подмогу – жену Ольгу с дочкой (они отдыхали в Одес-
се), чтобы частично заботу о настоящем «турецко-поддан-
ном» взвалить на них, хотя бы повозить его по памятным
историческим местам, коих в Грузии предостаточно. Задум-
ка оправдалась, Ольга с Настей справились, однако их при-
езд добавил еще одну проблему – обыкновенная манная или
геркулесовая каша для четырехлетнего ребенка явно не вхо-
дила в гостиничное меню на завтрак. Хаш – пожалуйста, едва

забрежит рассвет, – куда без него, сложившаяся традиция, спасает после затяжного ночного застолья, как у нас крепкий рассол или куриный бульончик. Что хочешь принесут, но все солено-перченое-острое. Спасибо Тамазу, директору завода безалкогольных напитков, который обеспечивал чемпионат минералкой и лимонадом со вкусом, не уступающим знаменитым водам Логидзе. Тамаз жил напротив «Иверии», через проспект Руставели, и предложил столоваться утром у него дома. Настенька ела кашу, причмокивая от удовольствия, может, потому, что Ольга варила ее не в обычной жестяной кастрюльке, а в серебряной посуде.

– Вячеслав Иванович, как быть, принц не шутит, – тереблю я начальника Управления футбола Колоскова.

– Михаил, звони в Москву своему шефу, пусть там, наверху, вентилируют этот вопрос, сами его мы здесь, на месте, не решим, – Колоскову было не до того, хватало хлопот с президентом ФИФА Жоао Авеланжем.

Звонок шефу мало что прояснил, тот отделался обещанием разобраться, выйти на Минторг, еще куда-то. Саудовцы уже красиво обыграли в подгруппе ирландцев, сгоняли вничью с испанцами, им предстоял заключительный матч в подгруппе с бразильцами, а Москва все молчала. ЗИЛ своим дежурством у подъезда отеля круглые сутки только мозолил глаза принцу. Отвлекался гость лишь на обеде или ужине; ему приглянулся ажурный, воздушный ресторан на Мтацминда, «Святой горе» в переводе с грузинского, откуда

открывался чудесный вид на город, особенно вечером, когда Тбилиси утопал в огнях, а сам ресторан, казалось, повис в небе со звездами, словно НЛО. Поднимались туда чаще всего на фуникулере. В глубоком проникновении в национальную кухню гость из «страны двух мечетей» (вспомните Мекку и Медину) «продирался» сквозь лобио, сациви, чахохбили, абхазские и аджарские хачапури, другие изысканные местные блюда, как через густые заросли джунглей.

Въедливый читатель наверняка жаждет моей взбучки: как же так, летел в Тбилиси с начальственным указанием уделить повышенное внимание генсеку турецкого Олимпийского комитета, а выходит, бросил его на произвол судьбы, пусть судьба эта и надежна – собственная жена с дочерью. Ни в коем случае. Утренняя экскурсионная программа плавно перетекала в дневную обеденную, тут-то мы и стыковались, на полную катушку используя свободное время до вечернего футбола. Мтацминда со временем уже не так привлекала гна Баятлы, ему еще больше хотелось экзотики и настоящего грузинского колорита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.